КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

ПОЛУКАМЕННЫЙ ДОМЪ

Въ небольшомъ городѣ, въ которомъ я проѣздомъ остановился, прямо насупротивъ гостинницы, стоялъ огромный домина. Основаніе го было изъ тесаннаго, бѣлаго камня; затѣмъ, первый ярусъ кирпичный, а второй деревянный. Домъ этотъ стоялъ на бойкомъ мѣстѣ, на углу привозной площади; внизу были лавки съ дугами, хомутами, возжами и шлеями, также лабазы, цирюльня, хлѣбная и питейная; наверху я могъ отличить одну только вывѣску: Растирацію, другая, придѣланная надъ балкономъ по другому лицу зданія отъ угла, скрывалась до половины, и я могъ прочитать на ней только начало двухъ строкъ: Дѣв и мад. Сидя въ окнѣ своего номера и глазѣя на пеструю толпу, волновавшуюся съ глухимъ шумомъ на рыночной площади, я невольно все опять

поднималъ глаза на загадочную вывѣску, подбиралъ всѣ слова, которыя можно обыкновенно встрѣтить на вывѣскѣ, но слоги Дѣв и мад оставались для меня загадочными. Въ это время вошелъ весьма словоохотливый половой, съ чаемъ, и объяснилъ мнѣ, что это Дѣвичій пенсіонъ мадамъ Мусташъ, которую онъ назвалъ при этомъ случаѣ Мусташльвой. Слово–за–словомъ, и половой мой разсказалъ замѣчательныя похожденія — не мадамъ Мусташльвой, о которой онъ не могъ сказать ничего, какъ только, что она, должно–быть, французенка — но похожденія этого дома съ лавками, лабазами и всею прочею принадлежностью.

Въ городѣ этомъ, давно тому, появился новый откупщикъ, вышедшій по словамъ разскащика, изъ повѣренныхъ прежняго откупщика; подержавъ откупъ недолго, онъ, однакожь, зашибъ копейку — по–крайней–мѣрѣ жилъ, какъ водится у откупщиковъ, паномъ. Ни у кого не бывало и не будетъ такихъ лошадей, такой коляски и такихъ шляпокъ на женѣ, какъ были

именно у этого откупщика; а праздники задавалъ онъ такіе, что истинно на диво «даже и хорошимъ господамъ». Этотъ–то баринъ изъ–за стойки и вздумалъ построить такой домина, чтобъ и самому жить, и всю контору со всѣми потрохами помѣстить, и въ наймы отдавать, и доходъ большой получать — да сверхъ–того еще и пользоваться домомъ этимъ, какъ залогомъ. Вотъ онъ и разбилъ такой фундаментъ, какого здѣсь и не видывали: саженяхъ на пятидесяти! Постройка началась: забутили основаніе, отпраздновавъ великолѣпно закладку, и вывели его подъ окна изъ тесанаго камня — тогда–какъ до этого здѣсь никто не догадывался тесать его, а клали основаніе изъ дикаго, ломоваго камня, какъ Богъ его создалъ; а между–тѣмъ, подводили въ то же время подъ своды каменные жь выходы.

Въ это время откупщикъ нашъ поѣхалъ въ столицу сымать откупъ на другой срокъ и съѣхался тамъ, не думано, не гадано, съ опаснымъ соперникомъ, который, повысмотрѣвъ и повывѣдавъ дѣла на мѣстѣ,

прибылъ въ Питеръ съ тѣмъ же намѣреніемъ. Первый отозвалъ его въ сторону и сказалъ ему: «Послушай, любезный другъ; не–ужь–то мы станемъ, на потѣху людямъ, другъ у друга ломоть изъ рукъ выбивать, чтобъ онъ никому не достался? Дѣлъ нашихъ никто не знаетъ, кромѣ меня, да отчасти, можетъ–быть, и тебя; вѣдь мы оба будемъ сыты — а кромѣ насъ вмѣшаться нѣкому, это я ужь знаю. Итакъ, либо возьми ты съ меня сто тысячь отсталаго, да и ступай съ Богомъ, безъ грѣха, домой; либо дай ты мнѣ сто тысячъ; а наконецъ, коли и этого не хочешь, или въ долю, я въ третьей долѣ тебѣ прійму.»

Соперникъ принялъ предложеніе это сухо, обидѣвшись особенно тѣмъ, что будто–бы–де онъ дѣлъ этихъ не знаетъ, тогда какъ онъ именно тѣмъ и гордился, что вывѣдалъ всю подноготную и былъ увѣренъ, что знаетъ все. Первый подумалъ и вторично отозвалъ его, когда уже городъ ихъ вскорѣ былъ на очереди къ торгамъ: «Послушай, другъ» сказалъ онъ: «сдѣлай же милость, не дурачься; вотъ тебѣ

послѣднее слово мое: берешь полтораста тысячь, такъ бери и Богъ съ тобой; не берешь — пусть мое дѣло пропадаетъ, а ужь я тебѣ его испорчу; честное слово, что коли ты хоть одинъ рубль наддашь, то я, не говоря худаго слова, сразу брякну сто тысячь, да и отойду: тогда дѣлай, чтѣ хочешь. Больше не наддамъ».

Но упрямый и самолюбивый соперникъ, увѣренный, видно, въ дѣлѣ своемъ, ни на что не поддавался и отвѣчалъ сухо: «дѣлай, что знаешь». Торги начались: «Такой–то городъ съ уѣздомъ четыреста–тридцать–тысячъ; кто больше?»

«Десять рублей» сказалъ скромно первый откупщикъ. «И еще десять» проговорилъ второй твердымъ голосомъ. «Сто тысячь!» Раздалось въ ту же секунду, и притомъ такимъ громовымъ голосомъ, что всѣ бывшіе тутъ съ изумленіемъ обратили взоры свои на человѣка, сдѣлавшаго такую необычайную, выходящую изъ всякаго торговаго соображенія наддачу; каждый думалъ, что ослышался, даже присутствующіе остановились, чтобъ

увидѣть, кто сказалъ слово это, и одинъ изъ нихъ повторилъ: «Сто ты–сячь?» «Да» отвѣчалъ первый откупщикъ, не трогаясь съ мѣста и скрестивъ руки на груди — и всѣ со страхомъ и почтеніемъ отступили, очистивъ передъ нимъ мѣсто. Онъ продолжалъ: «Сто тысячь; всего пять–сотъ–тридцать тысячь и двадцать рублей».

Дѣло было сдѣлано, такого слова назадъ не отдадутъ. Мертвое молчаніе послужило знакомъ крайняго изумленія нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; втораго соперника чуть не пришибло на мѣстѣ, какъ громомъ; онъ помялся, взглянулъ на перваго, смирился и просилъ подумать. Оба отошли къ окну; всѣ посторонились, и перешептываясь, искоса поглядывали на этихъ двухъ чудаковъ.

— Бога ты не боишься, сказалъ второй тихо, робкимъ, но отчаяннымъ голосомъ: — чтѣ ты это сдѣлалъ?

— Какъ что? Ничего; набавилъ сто тысячь, какъ объявилъ тебѣ напередъ; развѣ ты думалъ, что я шучу? Больше я не наддамъ ни рубля; хочешь, такъ бери.

— Да помилуй, безумный ты человѣкъ! вѣдь ты самъ у себя, да у меня укралъ четыреста тысячь изъ кармана!

— Что онѣ украдены у насъ — это вѣрно, только не мною, а тобой. Я предлагалъ тебѣ полтораста тысячь, предлагалъ идти въ третью долю; ты зартачился, захотѣлъ испортить дѣло — ну, ты поставилъ на своемъ: вотъ оно испорчено; бери его!

— Нѣтъ, спасибо, благодарю... а какое ты мнѣ разстройство причинилъ, Боже мой!.. Залоги взяты, проценты заплачены...

— Плачься на себя. Не берешь, такъ за мной останется; я тебѣ говорилъ, что моего дѣла никто, кромѣ меня, не знаетъ; вотъ, я наддалъ четыреста тысячь и беру; стало–быть, я его знаю!

Это подѣйствовало; второй разсудилъ, что стало–быть–де выгоды велики, и я не ошибался: онъ предложилъ идти въ половину; а первый, очень–хорошо понимая, что изъ молодечества и упрямства сдѣлалъ преглупую вещь, не показавъ удовольствія своего, сказалъ:

— Вотъ то–то, поздненько вы, сударь, соглашаетесь! Нѣчего дѣлать, ступай: не бось, выручимъ.

Но черезъ два года все было описано и распродано у новыхъ товарищей, и откупъ поступилъ въ казенное управленіе. При этомъ случаѣ былъ проданъ и домъ, выведенный на тесаномъ камнѣ подъ окна, съ большими каменными подвалами. Онъ достался молодому наслѣднику большаго, прекраснаго имѣнія въ двѣ тысячи душъ, гдѣ одна крупчатка могла бы прокормить прилично десять большихъ дворянскихъ семей. Молодой владѣлецъ прикупилъ еще на задахъ дома два мѣста, сломалъ зданія и обратилъ ихъ въ садъ, съ великолѣпными теплицами, которыя теперь подъ хлѣбнымъ складомъ. Баричъ нашъ едва успѣлъ вывести кирпичомъ стѣны своего новаго дворца подъ первый накатъ, какъ дѣлишки его начали крѣпко запутываться: постройка остановилась, простояла съ годъ, а тамъ, не успѣлъ нашъ баричъ оглянуться, какъ дѣло пришло къ развязкѣ — всѣ имѣніе его было окончательно разстроено, и онъ совсѣмъ

промотался. Стѣны початаго дома накрыли соломой, ихъ заливало и размывало дождемъ, и городъ, видя такое положенiе домохозяина, который нѣсколько лѣтъ сряду и не думалъ продолжать постройку, началъ приступать къ нему съ угрозами передать незастроенное мѣсто другому владѣльцу, предоставляя ему свезти въ срокъ строительные припасы. Баричъ нашъ, забывшiй почти о начатомъ столь великолѣпно и покинутомъ дворцѣ своемъ, чрезвычайно обрадовался напоминанiю думы или магистрата, вздумалъ теперь только, что можетъ продать, хотя и за безцѣнокъ, начатыя постройки и вовсе нечаянно выручить нѣсколько наличныхъ денегъ, которыхъ онъ уже очень–давно не видалъ. Но кому у насъ въ уѣздномъ городѣ купить такой домина, кто въ состоянiи выстроить его и къ чему? Всѣ указали на Орефьева, говоря, что больше купить никому, хоть и задешево, потому–что мало того купить, а надо еще и отстроить. Если Орефьевъ не купитъ, такъ никто не купитъ, хоть ломай.

Орефьевъ, въ 30 лѣтъ, изъ сидѣльца на маленькомъ жалованьѣ въ желѣзной лавкѣ сдѣлался первымъ въ городѣ купцомъ. Пріятное и всегда вѣжливое обращеніе его привлекало покупателей въ такомъ городкѣ, гдѣ каждый зналъ лично всѣхъ хозяевъ и сидѣльцевъ и шелъ туда, гдѣ ему лучше нравилось. Вскорѣ Орефьевъ сдѣлался сидѣльцемъ на отчетѣ, потомъ поступилъ въ часть и наконецъ, пріобрѣтя болѣе пріязни и довѣренности между покупателями, чѣмъ самъ хозяинъ его, основалъ свою торговлю и вскорѣ расторговался такъ, что сталъ первымъ купцомъ въ городѣ. Всѣ обороты и предпріятія ему удавались; слава шла объ немъ, будто у него самый дешевый товаръ, и большая часть жителей вѣрили этому, потому–что Орефьевъ, необыкновеннымъ краснобайствомъ своимъ, предупредительною вѣжливостью и чрезвычайно–пріятною, поселяющею довѣренность наружностью умѣлъ всѣхъ въ томъ убѣдить. Чтобъ показать ловкость и оборотливость Орефьева, приведемъ одинъ

только примѣръ. Сосѣднiй помѣщикъ, у котораго было много своихъ мастеровыхъ, и между прочимъ нѣсколько гулящихъ кузнецовъ, хотѣлъ доставить себѣ выгоду, а имъ небольшой заработокъ: онъ обратился къ Орефьеву, какъ къ главному торговцу желѣзомъ, и, предложивъ ему перековывать полосовое желѣзо въ разныя подѣлки, крючья, петли, наметки, пробои и пр., спросилъ, сколько Орефьевъ можетъ положить за это платы съ пуда. Орефьевъ отвѣчалъ: «И гривны мѣди не могу дать.» — Какъ такъ? Вѣдь вы же торгуете этими вещами и передѣлываете полосовое желѣзо? — «Передѣлываю.» — Слѣдовательно, и платите за это, само собой разумѣется; а у меня свои кузнецы, свой уголь; врядъ ли кто дешевле меня съ васъ возьметъ! — «А не угодно ли» продолжалъ Орефьевъ: «купить у меня желѣзо въ дѣлѣ, на пуды, по той же цѣнѣ, почемъ изволите взять полосовое въ любой лавкѣ?» Помѣщикъ изумился и просилъ объясненiя; оно состояло въ томъ, что всѣ кузнецы, каретники и даже помѣщики

берутъ желѣзо на счетъ, не на наличныя; при этомъ случаѣ и было заведено у Орефьева, чтобъ брать на каждый пудъ по шести фунтовъ лишняго желѣза и возвращать его, въ видѣ роста, въ дѣлѣ. Такимъ образомъ, Орефьевъ, безъ всякихъ расходовъ, получалъ всѣ желѣзныя издѣлія, какія ему были нужны, назначая должникамъ своимъ что именно выдѣлывать, а полосовое желѣзо, разумѣется, отпускалъ имъ въ такую цѣну, что накладывалъ на издѣльное, при оптовой продажѣ, самую бездѣлицу, на одинъ только угаръ!

Итакъ Орефьевъ, какъ единственный купецъ нашего дворца, пріобрѣлъ его дѣйствительно за самую ничтожную цѣну. Всѣ ахнули, когда домъ былъ проданъ, говоря: богачамъ Богъ даетъ. Смекнувъ тотчасъ же, что можно изъ зданія этого сдѣлать, Орефьевъ поставилъ на каменныя стѣны деревянный верхъ, покрылъ его желѣзомъ, а внизу проломалъ, черезъ окно, по двери, обративъ такимъ образомъ весь нижній ярусъ въ лавки. Изъ подваловъ

вывелъ онъ тоже сводчатые выходы прямо на площадь, чтобы отдавать помѣщенія эти подъ винные погреба и другія подобныя заведенія.

Но только–что Орефьевъ успѣлъ покончить все это и подвести диковинное зданіе подъ крышу, не отдѣлавъ его еще внутри, не вставивъ еще дверей и оконъ, какъ внезапно скончался, оставивъ однихъ малолѣтныхъ наслѣдниковъ, потому–что довольно поздно женился и притомъ еще старшія дѣти у него, какъ говорится, не стояли. Дѣла его не были въ безпорядкѣ, но, по значительнымъ оборотамъ и по русскому заведенію не вести купеческихъ книгъ, они были нѣсколько запутаны и требовали дѣятельнаго и толковаго хозяина; безъ этого ихъ, конечно, не мудрено было разстроить. Назначили опекуновъ — и вскорѣ дѣла пришли въ безнадежное положеніе. Одна уже косность и бездѣйствіе, при начатыхъ оборотахъ, гдѣ все зависѣло отъ кредита, своевременнаго, точнаго исполненія условій и принятія, безъ упущенія, разныхъ мѣръ, одно уже

бездѣйствіе опекуновъ, не говоря о грѣхахъ другаго рода, должно было нанести торговлѣ Орефьева смертный ударъ, которымъ другіе не преминули воспользоваться. Домъ, на который положенъ былъ большой капиталъ и который очевидно долженъ былъ бы вскорѣ вознаградить съ избыткомъ всѣ издержки, простоялъ пять лѣтъ безъ оконъ и безъ дверей, не давая ни гроша дохода. Опекуны не хотѣли взять на себя отвѣтственности новыхъ расходовъ, необходимыхъ на отдѣлку дома, тѣмъ болѣе, что на это нужно было особенное разрѣшеніе, требовавшее хлопотливой переписки: поэтому они, оберегая себя, ограничились однимъ только сборомъ долговъ, уплатою необходимаго и безспорнаго и очисткой дѣйствій своихъ на бумагѣ. Дому суждено было опять стоять въ недостроенномъ видѣ и ожидать совершеннолѣтія наслѣдниковъ.

Къ–счастію, однакоже, мѣстное начальство вмѣшалось въ это дѣло, считая безбожнымъ допустить окончательное разрушеніе зданія, которое могло бы давно

быть отдѣлано и приносить весьма–значительный доходъ. Очевидно было притомъ, что еслибы дать дому простоять еще нѣсколько лѣтъ въ этомъ видѣ, то пришлось бы еще приплатиться за свозъ его, въ видѣ мусора. Рѣшено было продать домъ съ молотка. Опять возникъ вопросъ: кому же его купить? Въ городѣ на ту пору не было никого при такихъ деньгахъ; это было извѣстно; а иногородному такая покупка не сподручна. Оцѣнка, само–собой, сдѣлана была болѣе чѣмъ сходная, именно потому, что и за половину настоящей цѣны не нашлось бы покупщика; притомъ зданіе потерпѣло уже много отъ времени, не будучи ни кончено, ни сбережно; при всемъ томъ, однако, ждали съ нетерпѣніемъ, въ чьи–то оно руки попадетъ, зная, что покупщиковъ нѣтъ.

Но покупщикъ нашелся тамъ, гдѣ его никто не ожидалъ. Въ этомъ городѣ былъ нѣкто, въ родѣ купца, подрядчика и промышленика, ходатая, стряпчаго — однимъ словомъ, въ родѣ чего угодно, нѣкто Акимъ Акимычъ Набольшевъ. Его

звали то жидомъ, то цыганомъ, также иногда — перенося понятія неодушевленныхъ предметомъ на одушевленные — уховерткой и багромъ. Изъ всего этого ясно усматривается, какого рода человѣкъ былъ Акимъ Акимычъ. Большой балагуръ и краснобай, человѣкъ не злой собственно, а даже въ извѣстной степени добрый и услужливый, если только услуга эта не была противна его выгодамъ; ловкій, хитрый, происскливый, но съ какимъ–то вкрадчивымъ видомъ простодушія и откровенности. Акимъ Акимычъ не былъ какимъ–нибудь отверженцемъ общества, какъ бы можно полагать, судя по исчисленнымъ нами качествамъ его, а напротивъ жилъ въ ладу почти со всѣми, за исключеніемъ развѣ тѣхъ немногихъ, кого надулъ слишкомъ–безбожно и очевидно. Къ числу промысловъ его принадлежала между прочимъ близкая связь, поддерживаемая обоюдными выгодами, съ тѣми изъ городскихъ жителей, у которыхъ бывали денежныя дѣлишки, обдѣлывавшіяся

большею частію черезъ Акима Акимыча. Онъ, какъ человѣкъ скромный и часто нуждавшійся въ посторонней помощи при дѣлахъ и оборотахъ своихъ, считался вѣрнымъ и вошелъ у многихъ въ большую довѣренность. Благопріобрѣтенное достояніе этихъ многихъ бывало частенько у него въ рукахъ, и онъ исправно уплачивалъ пріятельскіе росты. Этотъ–то Акимъ Акимычъ и вздумалъ разбогатѣть, когда объявлена была продажа роковаго дома. Разсчитавъ безошибочно, какого дохода можно отъ этого ожидать, онъ обѣжалъ втихомолку всѣхъ денежныхъ вѣрителей и довѣрителей своихъ, представилъ имъ предстоящее блестящее дѣльцо и успѣлъ собрать необходимую сумму, даже съ прибавкою того, чтъ нужно было для окончательной отдѣлки дома. Срокъ пришелъ: кромѣ Акима Акимыча, покупщиковъ не было ни на торгахъ, ни на переторжкѣ, и домъ, съ наддачею мѣднаго рубля сверхъ оцѣнки, остался за нимъ. Всѣ изумились и ждали развязки: всѣ знали, что у Акима Акимыча денегъ не было, всѣ

привыкли къ оборотамъ разнаго рода, происходившимъ подъ его именемъ, но никто не зналъ еще, на чей счетъ домъ купленъ — объ этомъ ходили только догадки.

Акимъ Акимычъ въ разчетѣ своемъ не ошибся: торговля въ городишкѣ этомъ, въ послѣдніе годы, значительно поднялась, и за лавку, за которую платили въ годъ 50 рублей, стали платить 150 и 200. Въ пять, шесть лѣтъ, онъ выбралъ весь капиталъ, и товарищество, купившее подъ его именемъ домъ, не должно бы быть въ накладѣ — еслибъ Акимъ Акимычъ подѣлился съ товарищами; но, подумавъ хорошенько, онъ разсудилъ, что при нынѣшнемъ достаткѣ своемъ, можетъ подержаться и безъ помощи своихъ бывшихъ пріятелей, особенно, если присвоить весь домъ себѣ, не выплативъ никому ни копейки — и въ этомъ разсчетѣ онъ также не ошибся. Деньги были вручены ему безъ всякихъ письменныхъ видовъ, по одной только личной довѣренности, и потому на Акима Акимыча нельзя было вчинать никакого

иска. Бѣдняки рвали на себѣ волосы, проклинали Акима — а взять было ничего.

Вотъ вамъ похожденія полукаменнаго дома; Акимъ Акимычъ съ легкой руки разбогатѣлъ, пришедши на готове и снявъ пѣночки, а вѣрителей своихъ онъ все еще благополучно и притомъ буквально проводитъ завтраками, приглашая ихъ по праздникамъ къ себѣ на закуску.

В.ДАЛЬ